

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

О.Г. Эклс

“ИСТОРИЯ” КАК НАУКА – “ИСТОРИЯ” КАК РОМАН

I

Об “истории как науке” и “истории как романе” американский писатель Томас Вулф в предисловии к своему поразительному дебютному роману “Взгляни на дом свой, ангел. История погребенной жизни” (1929) сказал следующее: “Художественный вымысел – это не факт, но художественный вымысел – это факты отобранные и понятые, художественный вымысел – это факты, упорядоченные и наделенные смыслом (целью)”¹. Тем самым Вулф и применительно к истории, которую он рассказывает, и применительно к “истории” вообще подчеркнуто противопоставляет друг другу “факты” и литературный вымысел таким образом, что вымысел у него обеспечивает “упорядочивание” и “понимание” фактов, а следовательно и их смысл (“цель”).

Познание абсолютной истины и установление “смысла” в истории, конечно, не входит в задачи историка² – по крайней мере в число обязанностей, обоснованных его профессией. Это принцип, сформулированный еще в XIV в., в эпоху позднесредневекового номинализма, Уильямом Оккамом: наука, как и все земное, контингентна; наука относится к “вещам”, структурам, процессам, но она не может быть отображением “целого” в модусе истины. Наука является принципиально незавершенной и часто зависимой от условий, хотя – и это важнее всего – ее незавершенность и зависимость подчинены определенным правилам³. Так определял разницу между поэзией и наукой и Артур Шопенгауэр: “истину идеи”, “сущность человечества”, “адекватную объективность вещи в себе”, “значение явлений” может познать “поэт”, но не историк, потому что последний не может “иметь все данные, все увидеть или разузнать”⁴.

Многим ученым такое положение вещей неудобно. Это касается историков, равно как и физиков, биологов, психологов, юристов, неврологов и т.д.: принять его может не каждый. Поэтому

многие историки закрывают глаза на проблему и – будь то от бессознательной наивности или из сознательного упрямства – работают так, “как будто” ее нет; другие ударяются в мрачный фикционализм (мол, исторические факты ведь тоже являются всего лишь социально обусловленными фикциями); некоторые продолжают утверждать “истинность” исторического знания, другие ищут эту “истину” в нейробиологической лаборатории, а кто-то, обуреваемый героизмом отчаяния, снова и снова бросается на поиски смысла истории, пользуясь при этом средствами своей науки, что не может не кончиться неудачей. Если же историк призывает “более серьезно, чем это делалось до сих пор, отнестись к специфическому литературному проекту, нацеленному на то, чтобы сделать своей – или вернуть себе – историю, которая забыта или находится под угрозой забвения”, ибо писатели рассказывают “истории, отличающиеся такой сложностью и внутренней напряженностью”, каких историк “с его эксплицитными, аналитическими и потому всегда в высшей степени редуccionистскими претензиями на объяснение достичь не способен”, – то подобная позиция скорее представляет собой исключение, нежели правило⁵.

II

В ретроспективе оказывается, что проблема “истины” и “смысла” фактов возникла в тот момент, когда появилась современная историческая наука, а именно в эпоху Просвещения, в XVIII в.

Историки эпохи Просвещения, к чьим важнейшим заслугам относится, в частности, огромное приращение материала, доступного историкам, осознавали эту проблематику. Геттингенские историки, например, задавались вопросом: как происходит переход от частей к целому или (как они это называли) “от агрегата к системе”. О том же говорил и Фридрих Шиллер в своей знаменитой вступительной лекции в Йене в 1789 г.: как перейти “от агрегата к системе, к некоему разумно устроенному связному целому”⁶. Геттингенцы поставили вопрос – но ответа на него у них не было. Один из них (это был Арнольд Геерен) отдал своим читателям свои материалы и результаты своих размышлений и призвал их найти ответ самостоятельно⁷. Это подлинно просвещенческий поступок, приложение к истории кантовского принципа “*sapere aude*”: осмелюсь знать что-то, “имей мужество пользоваться *собственным умом*”. Как известно, именно так ответил Кант на вопрос “Что такое Просвещение?”: “Просвещение – это выход

человека из состояния своего несовершеннлетия, в котором он находится по собственной вине”.

Другим путем пошел Монтескье, который в своей книге “О духе законов” (*De l’esprit des lois*, 1748) прагматично признал, что его способ изучать историю – это движение от собственных гипотез к материалу и обратно. Следовательно, всякое познание, с одной стороны, привязано к материалу, т.е. является эмпирическим, но, с другой – всегда неполно: оно дает – основываясь на материале – ответы на вопросы, но каждый ответ неизбежно сразу же порождает новые вопросы. Это движение от гипотез к материалу и обратно никогда не завершается, его можно только прекратить, чтобы книга наконец вышла в свет. Таким образом, Монтескье считал, что на вопрос о целом и о смысле наука в принципе не может дать ответа или, другими словами, целое всегда есть “всего лишь” помышляемое, познанное целое, и то только временно⁸. Историческое познание подчиняется, стало быть, принципу, который в скором времени Кант в “Критике чистого разума” (1781) сформулировал как общий принцип для любой науки: познание есть “продвижение в бесконечность”, постоянное поступательное движение в “не поддающуюся определению даль”, и в историческом познании это никак нельзя изменить, по крайней мере при условии сохранения за “историей” статуса науки.

Но вопрос о целом, вопрос о смысле остается. И в начале XIX в. он неумолимо встает в повестку дня⁹.

III

Врач, натурфилософ, естествоиспытатель и художник Карл Густав Карус (1789–1869) стремился с эмпирической точностью описать единичное, но одновременно и целое, а именно – тождество природы и духа, единство природы, взаимодополнительность физики и метафизики¹⁰. Вильгельм фон Гумбольдт в 1821 г. в своем трактате “О задаче историографа” заявил, что последняя заключается в том, чтобы “описывать каждое событие как часть целого”, а отдельные факты “переработать [...] в некое целое” и вообще искать “связь целого”. О том, как это сделать, Вильгельм фон Гумбольдт, впрочем, ничего конкретного не сообщает: он указывает на имеющиеся у историка “способность предугадывать и своего рода дар устанавливать связь”¹¹, не уточняя, что это такое и как это применять. Во всяком случае, “критически изучать то,

что происходило”, это только один путь к “исторической истине”, но тот, кто пойдет лишь по этому пути, “упустит сущность самой истины”; то, что “представляет единичное в его подлинном свете и придает форму целому, недоступно непосредственному наблюдению”.

В противоположность этому представлению Вильгельма фон Гумбольдта о познаваемости целого и, следовательно, о познаваемости его смысла, его младший брат Александр, натуралист, подчеркивал “подвижность знания” (по выражению О. Этте), т.е. его постоянное изменение, а значит временный характер всякого знания, его незавершенность и незавершимость, и даже историчность знания о природе. Концепция и практика познания природы у Александра фон Гумбольдта направлены не на знание *сущности* (как у его брата Вильгельма применительно к истории): его знание – знание *относительное*¹². И это находит свое выражение в виде без малого 70 книг, которые он опубликовал и для которых он использовал “всякий раз самые разнообразные манеры письма, формы презентации и репрезентации”, предпочитая “стиль фрагментарный и соединяющий вместе различные текстовые блоки”¹³. Среди натуралистов XIX столетия Александр фон Гумбольдт преемников не имел. Только в XX в. появилась новая физика, которая распрощалась со всякими притязаниями на полноту естественнонаучного познания, с физическим сциентизмом, позитивизмом и детерминизмом¹⁴.

Преемником же Вильгельма фон Гумбольдта сразу стал Леопольд фон Ранке, сначала (1824) выдвинувший девиз “показывать” (или “говорить”), “как это было на самом деле”. Это был лозунг, из которого немецкие историки впоследствии сделали настоящий шибболет¹⁵. У Ранке, как он сам сообщил своему другу, берлинскому профессору философии Генриху Риттеру в 1830 г., был преимущественно “философский и религиозный интерес”: именно он “и только он один” его “привел к истории”¹⁶. Соответственно, программа Ранке, заявленная им во вступительной лекции в Берлинском университете в 1836 г., гласила, что историческое знание является “как бы частью божественного знания”, к которому мы “пытаемся пробиться с помощью истории”¹⁷. Историческое познание, с точки зрения Ранке, есть прежде всего познание идей – например, познание государств как “идей Бога”¹⁸. Конечно (и мы уже знаем это) с XIV в., со времен оккамовского номинализма, привести знание к согласию с верой уже нельзя, по крайней мере нельзя этого сделать средствами науки. Научное познание принципиально незавершено и контингентно¹⁹.

Но вопрос о “целом” на этом не сошел с повестки дня. Новая наука XIX в. поставила его вновь, только другим способом: начиная с 40-х годов XIX в. она стала ориентироваться на установление так называемых “твердых фактов” и выводимых из них так называемых “вечных законов” природы²⁰. Этим Рудольф Вирхов легитимировал универсальные притязания науки: естествознание, по его словам, является “высшей формой человеческого познания” и поэтому должно стать “главным принципом мышления и нравственного действия”²¹. Другие ученые-естественники того времени возвели естествознание в ранг “абсолютного органа культуры”²². На многих историков это произвело глубокое впечатление. Они решили, что историческая наука должна признать эти притязания и что она только тогда сможет называться наукой, когда тоже придет к “познанию объективной действительности и ее законов” (по выражению берлинского историка Генриха фон Зибеля)²³.

Именно против этого категорически высказался историк Иоганн Густав Дройзен, автор теории исторического познания – “Historik”, – над которой он работал с 1857 г.²⁴ Дройзен был кантианцем, он был связан с традицией историографии Просвещения²⁵. Поэтому его программа подразумевала радикальное искоренение ранкеанской концепции исторического познания²⁶:

“Таким образом, те, кто видит высшую задачу историка в том, чтобы не добавлять ничего своего, а только заставлять говорить факты, упускают из виду, что факты вообще не говорят иначе как устами того, кто их выявил и интерпретировал, и что факты не существуют как таковые: они существуют либо в остатках, в которых *мы* распознаем их как действующие причины, либо в форме воспоминаний, т.е. воззрений, которые в любом случае уже несут в себе немалую долю субъективных моментов, недопустимых для историка”.

И далее: так что же будет рассказывать историк, если он не может “рассказать нам всё без исключения”?

“По каким критериям он выбирает, с какой точки зрения вещи представляются ему как относительно целое и замкнутое в себе? Понятно, что об объективной полноте, конечно же, не может быть и речи, не существует и мерила, объективного критерия, что в самих вещах важно, что – нет, поэтому все зависит от идеи или концепции, которые хочет донести до нас рассказчик”.

И еще раз: “Факты значимы для него лишь поскольку они связаны с этой концепцией, в ее контексте они обретают свою истинность; и снова: историческая истина – это идея, в которой

факты обоснованно сведены в одно целое, личности установлены или представлены как действующие и в то же время имеющие оправдание. Эта познанная историческая истина есть, разумеется, только относительная истина; это истина, какой видит ее рассказчик, это истина с *его* точки зрения, в его понимании, на уровне его образования [...]”.

Провозглашенный Дройзеном с позиций кантианского критицизма решительный отказ от той концепции познания, которую отстаивали Ранке и ранкеанцы, был даже превзойден Фридрихом Ницше в 1874 г.: в своей работе “О пользе и вреде истории для жизни” он высмеивал прежде всего Ранке и его последователей и оспаривал в принципе способность современной ему исторической науки к познанию и все вытекавшие из этого притязания. Истории, считал он, следует наконец перестать быть наукой и вместо этого начать служить жизни – например, в качестве “монументальной истории”, показывающей людям “образцы для подражания, учителей, утешителей”²⁷. Это воззвание Ницше в самом начале XX в. подхватили в особенности георгеанцы – последователи и ученики Штефана Георге, которые считали, что их учитель – тот, кто действительно исполнил требование Ницше и благодаря этому одновременно пришел и к новому пониманию “сущности” исторических явлений²⁸. Об этом стоит прочесть статью Фридриха Гундольфа “Сущность и отношение” (1911). В ней Гундольф, как и следует из названия, пропагандировал познание сущности и поэтому писал, как сам он открыто заявлял, памфлет против “релятивизма” и “историзма”²⁹. Главными своими противниками, т.е. губителями Современности (как он ее понимал), Гундольф считал кантианцев, особенно философа Эрнста Кассирера и Макса Вебера³⁰. Ведь Вебер, разделявший позиции кантианского критицизма, со своей стороны со всей эпистемологической неумолимостью многократно констатировал, что научные факты никогда не содержат в себе никакого “целого” и никакого “абсолютного смысла”, более того, ни одна наука, в том числе и историческая, никогда не сможет обосновать даже свой собственный “смысл” – по крайней мере, своими же средствами. Таким образом, борьба парадигм между ницшеанцами (в первую очередь георгеанцами) и кантианцами стала главной в эпистемологических дискуссиях первой трети XX в. Вспомним спор между Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером (Давос, 1929) или между Карлом Мангеймом, основателем социологии знания, и правоведом Карлом Шмиттом³¹.

IV

Но отбросить вопрос о “смысле” фактов и о “целом” истории было невозможно. С начала XIX в. за поиски ответа на него взялись писатели и отвечали по-своему: именно этой проблематике всегда был посвящен исторический роман³². Поэтому литературовед Барбара Потхаст в 2007 г. дала своей книге об исторических романах XIX в. меткое заглавие: “Die Ganzheit der Geschichte” [игра слов: это и “Целостность истории”, и “Полнота рассказа”. – *Примеч. пер.*]³³. История исторического романа, таким образом, восходит к началу XIX в., потому что роман является ответом на ту центральную проблему исторического познания, которую историки поставили, но разрешить средствами своей науки были не способны. Поэтому исторический роман – одна из “наиболее типичных для своей эпохи художественных форм XIX столетия”, представляющая собой “явление общеевропейское”³⁴. В силу этой же причины со времен романов Вальтера Скотта “история уже не [служит], как прежде, лишь фоном и декорацией”, но стоит “в центре повествования”³⁵.

Далее моя цель будет заключаться в первую очередь не в том, чтобы выявлять историческое ядро художественных произведений, т.е. выяснять, как в историческом романе осмысляется и отображается “история”, а затем связывать “выводы и интерпретации историков” с “выдумками и замыслами писателей”, рассматривая их как “совместный труд”, например над “великим эпосом новейшей истории”³⁶. Вместо этого мне хотелось бы продемонстрировать эффективность и динамику исторического романа как инструмента исторического познания. Для этого я попробую выстроить типологию, включающую в себя десять аспектов.

(1) В XIX в. доминировал приводимый писателями-романистами довод, что именно они представляют истинную историческую науку. Тут прежде всего надо вспомнить Оноре де Бальзака и его монументальных масштабов роман “Человеческая комедия”³⁷, в котором Бальзак утверждал, что сможет лучше, чем историки, изобразить великие социальные потрясения во Франции конца XVIII и начала XIX в. Подобные притязания еще раз были высказаны братьями Эдмоном и Жюлем Гонкурами в 1864 г. в предисловии к их роману “Жермини Ласертэ”. Роман описывает запутанную сексуальную жизнь и гибель одной служанки³⁸. Речь, таким образом, идет об истории низших классов, “четвертого сословия”, но с особым фактором научности, который представлен здесь еще “гораздо более энергично и программно”, чем

у Бальзака. Литературное творчество у Гонкуров имеет характер “*enquête sociale*” (что в данном случае, вероятно, следует перевести как “изучение общества”): роман перенял методы и задачи науки. “Искусство” и “истина” в нем объединены. И наконец, Эмиль Золя, создавая свой цикл романов о Ругон-Маккарах, имел в виду писать романы научные, когда писатель использует “экспериментальный метод”, наблюдая человека, “каков он есть”, и таким образом производит на свет новую литературу “для грядущего века науки”³⁹.

(2) Вторая форма проявления “исторического” в литературе, о которой здесь пойдет речь, это имитация научных книг по истории и пародия на них. Пожалуй, наиболее совершенная такая имитация – это “самая популярная немецкая книга XIX в.”⁴⁰ – роман “Эккехард” Йозефа Виктора фон Шеффеля, опубликованный в 1862 г. Шеффель использовал подлинные исторические материалы, такие как “Деяния саксов” Видукинда Корвейского и хроники аббатства Санкт-Галлен, а текст сопроводил обширными примечаниями с цитатами из оригиналов (разумеется, на латыни).

Идеальную пародию на этот жанр создал австрийский писатель Хаймито фон Додерер, написав в 1962 г. роман “Меровинги, или Тотальная семья”. Речь в нем идет о меровингах XX в. Пародийное обаяние книга обрела за счет того, что автор по образованию был историком, преимущественно медиевистом, выпускником знаменитого Австрийского института исторических исследований, и что его пародия была написана *lege artis*, со всеми ссылками на документы.

(3) Теория исторического романа в XIX в. предполагала не только замену историков писателями в качестве познающих субъектов. Кроме того (и это, пожалуй, было важнее) она подчеркивала взаимодополнительность историка и романиста⁴¹: «Поскольку историк – если он не хочет ограничиваться только “основными событиями” – оказывается не в состоянии упорядочить всё изобилие имеющегося у него материала, он нуждается в помощи писателя, который приведет разнообразие материала в законченную форму, с чьей наглядностью и живостью не сравнятся сухие повествования историографов»⁴². В настоящее время это бесспорно. И с этой точки зрения можно назвать несколько особенно впечатляющих произведений (конечно, весьма неодинаковых литературных достоинств): прежде всего шедевр Алессандро Манцони “Обрученные” (1840/42). В Германии это “Перед бурей” Теодора Фонтане (1878)⁴³, “Предки” Густава Фрайтага (1872/80) и “Битва за Рим” (1876)⁴⁴ Феликса Дана, профессора юриспруденции

и исследователя Великого переселения народов. Затем границу модерна решительно пересек поздний шедевр писателя-одиночки Вильгельма Раабе “Бодфельд” (1888). Эта книга представляет собой исторический роман в традиционном смысле, но в то же время играет с традициями и элементами этого жанра⁴⁵.

(4) Четвертый аспект: исторический роман как место для проблемно ориентированной рефлексии по поводу исторических процессов и истории вообще. Здесь следует вспомнить Виктора Гюго и роман “Собор Парижской Богоматери” (1831). В данном аспекте нас интересует не столько исторический сюжет (действие у автора происходит в 1482 г.), сколько размышления Гюго о Средневековье и эпохе Возрождения, записанные на фоне Июльской революции 1830 г., события которой разыгрывались буквально под окнами дома писателя⁴⁶. А кроме того, речь в романе идет о перестройке французской столицы, которая началась в то время. Именно вплетенные в действие романа размышления Гюго об архитектуре в Средние века и в эпоху Возрождения имели далеко идущие последствия. Американский архитектор Фрэнк Ллойд Райт с самого начала и до самой смерти постоянно вспоминал о важных, даже основополагающих импульсах, которые дали его собственному творчеству эти высказывания Виктора Гюго⁴⁷.

Мне приходят на ум и другие значительные примеры того, как исторический роман становится осмыслением истории: это, в частности, “Человек без свойств” Роберта Музиля (1931). На самом деле действие книги разворачивается не в Вене 1913 г. (как утверждается), а в Берлине 1930 г. Она содержит всестороннюю рефлексии по поводу духовных и интеллектуальных проблем Веймарской республики, и понять это произведение можно лишь после того, как прочтешь опубликованные ранее эссе Музиля о 20-х годах⁴⁸. Другой пример: “Доктор Фаустус” Томаса Манна (1947) – тоже разговор о Средневековье, точнее о медиевализме, тоске немцев по Средневековью, о немецких идеологиях и формах немецкого самосознания в целом. И тут снова надо сказать о Хаймито фон Додерере – на сей раз о его романе “Бесы” (1956), представляющем собой литературный анализ истории Австрии в межвоенный период, кульминацией которого стала революция осенью 1926 и летом 1927 г. Год спустя, в 1957 г., сицилианец Джузеппе Томмази ди Лампедуза на старости лет опубликовал свой единственный роман, который мгновенно сделал его всемирно знаменитым: “Леопард”. Это история одного аристократического семейства, разворачивающаяся на Сицилии во времена Гарибальди. Таким образом, и этот роман представляет собой размышление

о Средневековье и Современности, о конце аристократического мира, конце старой Европы и начале Нового времени. Об Умберто Эко и его блестящем монастырском детективе “Имя розы” здесь тоже нельзя не упомянуть. Можно, конечно, наслаждаться этой книгой просто как детективным романом. Но это лишь внешний слой. Читатель, особенно если он историк, может увидеть в этом произведении и всеобъемлющее описание религиозных движений начала XIV в. А главное – роман надо понимать как тонкое описание принципиальных духовных конфликтов между классической схоластикой с ее субстанциалистской онтологией, с одной стороны, и новым философским направлением – номинализмом Уильяма Оккама – с другой⁴⁹. Перед нами картина перехода от аристотелианства высокого Средневековья к новой форме науки (и именно сильные стороны номиналистического мышления помогают в конечном итоге успешно завершить расследование).

Эту картину можно дополнить наблюдением целых групп исторических романов разных авторов, которые случайно (или, может быть, как раз не случайно) выходили в одно и то же время и в своей совокупности представляют собой индикатор исторических процессов и размышлений по их поводу. Например, в 1959 г. вышел “Жестяной барабан” Гюнтера Грасса, первое серьезное литературное изображение новейшей истории Германии; в тот же год появился “Бильярд в половине десятого” Генриха Бёлля – тоже роман о немецкой истории, в данном случае на примере истории одной семьи в период с 1907 по 1958 г.; опять-таки в том же году опубликованы “Догадки насчет Якоба” Уве Йонсона – первая книга о разделении Германии и о первых годах ГДР.

(5) Из сказанного видно, что размышления о Средневековье и Современности во всех этих книгах играют особую роль. Рефлексию на тему “Современность и ее Средневековье”⁵⁰ можно назвать одной из главных тем исторического романа с самого его зарождения. После “средневекового” романа Вальтера Скотта “Айвенго” (1819) вышел “Лихтенштейн” Вильгельма Гауфа (1826), связь которого с современными автору проблемами показала Барбара Потхаст⁵¹. “Лихтенштейн” тоже был “одной из любимейших книг девятнадцатого столетия”; в ней проблематика революции и реставрации отражена как “проблематика единства и сплоченности”. О романе Виктора Гюго “Собор Парижской Богоматери” 1831 г. и об изложенных в нем размышлениях об эпохе Современности в целом и о настоящем времени уже говорилось выше. Действие романа Адальберта Штифтера “Витико” (1865/67) происходит в XII в., но и в нем на самом деле речь идет о социальном строе

в условиях революции, на этот раз 1848 г.⁵² Кризис Веймарской республики вызвал к жизни целый ряд “средневековых” романов (в том числе Германа Гессе, Гертруды фон Лефорт и Вернера Бергенгруна)⁵³. Здесь следует выделить произведения Германа Гессе “Нарцисс и Златоуст” (1929/30) и в особенности “Игра в бисер”, над которой Гессе работал с 1931 г., хотя опубликована книга была намного позже (1943). Действие этого романа разворачивается в ту эпоху будущего, которая со времен Новалиса известна как “новое Средневековье”⁵⁴, т.е. время, которое еще впереди и в котором все общественные и политические противоречия и конфликты Современности будут улажены и “сняты”: это еще только грядущая, подлинная, истинная Современность.

(6) Отдельный аспект – рассмотрение исторического романа с той точки зрения, согласно которой он заменяет историческую науку в качестве носителя культурной памяти, более того, не может не заменять, потому что исторической науки больше не существует⁵⁵. Так было в Советском Союзе с начала сталинизма в 1929 г. С форсированной индустриализацией, насильственной коллективизацией сельского хозяйства и культом личности началась “культура амнезии”, беспамятства, *tabula rasa* (как выразился Карл Шлёгел), “политики забвения” (Ян Ассман). Этой тенденции противостояли два романа мирового значения, репрезентирующие культурную память России в XX в. Один из них – “Доктор Живаго” Бориса Пастернака (драматическая история публикации которого всем, наверное, хорошо известна)⁵⁶. Другой – еще слишком мало известный роман о Сталинграде Василия Гроссмана под названием “Жизнь и судьба”. Писатель умер в 1964 г., но книга смогла быть опубликована только в 1980 г. в Швейцарии. Рукопись этой книги сохранилась лишь в одном экземпляре – том, который был найден в архиве вещественных доказательств КГБ⁵⁷.

(7) Отдельных размышлений требует тот факт, что исторический роман иногда инициирует появление новых методов исторического познания, например в отношении техники действия и рефлексии по поводу философии времени⁵⁸.

Зачатки микроистории мы видим в “Пармской обители” Стендаля (1839), где дано описание битвы при Ватерлоо, воспринимаемой юным Фабрицио дель Донго лишь в отдельных деталях, которые он к тому же не способен понять⁵⁹. Контрапункт детальности и целостности, фрагмента и совокупности вновь встречается нам у Толстого (“Война и мир”, 1863–1869) и Марселя Пруста в “Поисках утраченного времени”. Здесь случайная, незначительная, отдельная вещь вызывает в памяти знание целого.

Ссылаясь на Пруста и на устроенные подобным же образом литературные произведения Джеймса Джойса (“Улисс”) и Вирджинии Вулф (“На маяк”, 1927), филолог-романист Эрих Ауэрбах показал⁶⁰, что в них всегда главное – это то, как в детали отображено целое, в произвольно выхваченном моменте – “вся совокупность судьбы” людей. В этом, считает Ауэрбах, нашел свое проявление определенный исторический опыт, который все более отчетливо складывался уже в XIX, но особенно с начала XX в.: это опыт убыстряющегося темпа коренных изменений, которые порождали “тем большее смятение в силу того, что охватить их взором во всей их полноте было невозможно”; поэтому “синтетически объективные попытки интерпретации ежесекундно и возникали, и отменялись”. Как известно – об этом напомнил Дитер Вутке⁶¹, – у Аби Варбурга его “наука о культуре” тоже была вдохновлена идеей двигаться от детали к целому культуры; она вся есть неустанное размышление о деталях, об индивидуальном, о “малом”.

И то, что мы сегодня – в последние несколько лет – называем “историей памяти” (термин введен египтологом Яном Ассманом), рассматривая историю как историю “воспоминания”⁶², уже имеет свои литературные проявления – как ни странно, в области детективной литературы. Здесь мы встречаемся с книгой парижской медиевистки-археолога, пишущей под псевдонимом Фред Варгас⁶³. Роман называется “Уйди скорей и не спеши обратно” (2001). Преступление, описываемое в нем, происходит в Париже в наши дни, но преступник использует эпидемии чумы XVI и XVII вв. и страх, заключенный в воспоминании о них. Повествование основано на тщательных исторических исследованиях автора⁶⁴.

(8) Следует напомнить, что все романы “о жизни общества”, такие как поздние произведения Теодора Фонтане (“Сесиль”, 1887 г., “Эффи Брист”, 1894/95 г., “Штехлин”, 1897 г.) с течением времени превращаются в романы исторические: они несут в себе аутентичную информацию о ситуациях, обстоятельствах, людях, образах мышления, которые существовали в эпохи, ушедшие в прошлое. То же самое относится и к историческим романам о недавнем прошлом, о которых уже было сказано выше⁶⁵, – к тем, где перед нами события новейшей истории: эмиграция и война (“Аустерлиц” В. Г. Зебальда, 2001 г., “Шпионы” Майкла Фрейна, 2002 г.); ужасы нацистского режима (“Покушение” Гарри Мулиша, 1982 г.), бомбардировка Дрездена (“Бойня номер 5” Курта Воннегута, 1969 г.), ракеты и атомная бомба (“Радуга земного тяготения” Томаса Пинчона, 1973 г.), социальные трансформации настоящего (“Бесчестье” Дж. М. Кутзее, 1999 г.) и обще-

ственные волнения (“Красный цвет” У. Тимма, 2001) – вплоть до самых жгучих вопросов сегодняшнего дня, разбираемых в романах Дона Делилло (самый свежий – “Точка Омега”, 2010 г.). То же самое касается романов о современности, публиковавшихся в социалистических странах, таких как “Шутка” Милана Кундеры (1967), “Руммельплац” Вернера Бройнига (это книга о буднях уранодобывающего предприятия Wismut AG в ГДР, завершена в 1965 г., опубликована только в 2007 г.) или “Летучая зола” Моника Марон (книга о загрязнении окружающей среды в Биттерфельде, опубликована в 1981 г. в ФРГ): они становятся историческими романами.

(9) Смерть исторического романа и уничтожение какого бы то ни было “рассказа о том, как это было на самом деле”, в том числе и в историческом романе, тоже стало его темой – например, у французского писателя, лауреата Нобелевской премии (1985) Клода Симона⁶⁶. Значительную часть его творчества составляют исторические романы, которые совершенно не следуют традиционным правилам жанра, поэтому их в растерянности отнесли к категории так называемого “нового романа” (*nouveau roman*). В центре большинства произведений Симона стоит ключевое событие его жизни: в начале лета 1940 г., во время немецкого вторжения во Францию, эскадрон кавалерии, в котором служил Симон, был уничтожен наступающей немецкой танковой дивизией. Симон был единственным, кто остался в живых. Он называет это событие травмой, которая “инкапсулирована” внутри него: это “внедрившееся инородное тело”, которое постоянно, во все новых и новых стилистических, лексических и синтаксических формах заявляет о себе. В основе текстов – “бушующая магма эмоций”. Это событие 1940 г. Симон описал прежде всего в своей книге “Дороги Фландрии” (1960) и в конце концов сформулировал вопрос, который назвал центральным вопросом всего своего творчества: “Как можно что-то знать? Что можно знать?”. В романе “Ботанический сад” (1997) у него фигурирует молодой журналист, который спрашивает его, как же всё было на самом деле, – ведь он это сам тогда пережил. Но на этот вопрос автор не может дать ответа. Он скорее помнит “полукоматозное, полусомнамбулическое состояние”, в котором он пребывал в тот момент. И он все еще живет с эмоциями, которые абсолютно невозможно передать. В этом для Симона и заключается неиссякающая продуктивность воспоминания, которое никогда не прекращает своей работы. Это та самая “магма эмоций”, которая постоянно выбрасывает на поверхность новые “факты”, неограниченное разнообразие случаев,

в силу которого никакой голой фактичности, никакого “факта как такового” не существует. Но это означает уничтожение всякого “как это было на самом деле”, и это также означает уничтожение самой возможности написать исторический роман.

(10) И все-таки в завершение нам нужно поговорить о динамике, иными словами, о пластичности жанра “исторический роман”, которая как раз сегодня подтверждается на наших глазах удивительными свидетельствами. Мы видим, в частности, как столь важное для многих историков различие между историей как наукой и историей как романом размывается. Это приводит к непривычным литературным эффектам, но порой также и к провокациям, которым историки вынуждены противостоять. Вот три свежих примера.

Во-первых, назовем Орхана Памука, турецкого писателя и лауреата Нобелевской премии по литературе (2006). В своей книге “Стамбул. Город воспоминаний” (2003, русский и немецкий переводы 2006) Памук написал историю памяти своего родного города – историю, которая начинается с истории его собственной семьи и детства и уходит в прошлое к завоеванию Константинополя турками, включает в себя материал о литературном открытии Стамбула европейцами в XIX и XX вв. и привлекает не в последнюю очередь обилием изобразительного материала, который уже сам стал историческим. В особенности незабываемые черно-белые фотографии 50-х годов XX в. придают этой книге своеобразную, суггестивную ауру.

Мой второй пример – немецкий писатель Вальтер Кемповский, который с 1993 г. и вплоть до своей смерти в 2007 г. писал десяти томный труд под названием “Эхолот” в изобретенной им самим форме литературного коллажа и монтажа: самые различные тексты и записи, частного и официального характера, принадлежащие известным и неизвестным людям, соединяются в “коллективный дневник”, описывающий день за днем. Книга затрагивает важнейшие фазы истории Германии (последние тома – “Барбаросса 41” и “Финал 45”)⁶⁷. Чтобы было понятно: никогда еще ни одному немецкому писателю не удавалось изобразить столь шокирующую картину Ленинграда во время блокады зимой 1941/42 гг., как Кемповскому, с помощью одного лишь подбора и компоновки подлинных русских и немецких текстов.

И наконец скажем об одной из самых спорных на сегодняшний день книг в мировой литературе: это роман “Благоволительницы” Джонатана Литтелла (2006), который сразу же после публикации получил Гонкуровскую премию – высшую французскую литера-

турную награду⁶⁸. Книга, как утверждается, представляет собой вымышленную автобиографию гауптштурмфюрера СС и доктора права Макса Ауэ, но по большей части основана на подлинных фактах и подлинных документах. Книга повсюду, в том числе в конце концов и в США, вызвала крайне острую полемику – именно потому, что автор необычным способом перемешал факты и вымысел до неразличимости и сделал это применительно к одному из ключевых событий в истории XX в., а именно к преступлениям, совершенным немцами в Советском Союзе во время Второй мировой войны: массовым убийствам евреев и партизан.

V

Границы между “историей как наукой” и “историей как историческим романом”, похоже, все больше и больше размываются. Тому есть несколько причин. Во-первых, так называемый литературный “поворот” вновь поставил вопрос о литературности исторической науки⁶⁹. В основе его лежит тезис, согласно которому “всякая история” есть “история рассказанная”, – что, конечно, неверно. Более важным мне представляется то, что вопрос о памяти и воспоминании на сегодняшний день заинтересовал все науки; в качестве вопроса, направляющего познавательную деятельность, он трансдисциплинарно пронизывает все науки о культуре, а в исторической науке, как уже упоминалось, привел к формированию “истории памяти”⁷⁰. Здесь одновременно заново ставятся старые вопросы начала XX в. (когда была создана “историческая наука о культуре”)⁷¹, и (как мы видели) в новых вариантах предстает история проблем (Problemgeschichte) эпохи Современности.

Часто пытаются, констатируя и дифференцируя различные “повороты”, как-то упорядочить ситуацию, которую многие воспринимают как слишком запутанную. Мне же кажется более убедительным другое решение: принять “новую необозримость”⁷² и “новые кризисы” как данность или, еще лучше, воспринимать и использовать их как элемент научной продуктивности. Это именно та установка, та позиция, которые я вижу в работах Дитера Вутке, посвященных изучению культуры в пространстве “между” дисциплинами⁷³. И я присоединяюсь к Дитеру Вутке, когда он призывает дать всеохватную, но при этом дифференцированную оценку взаимоотношений искусства и науки, а также науки о природе и науки о культуре⁷⁴.

В этой ситуации мы вновь встречаем страстные выступления в поддержку исторического романа как формы, которая способна якобы гораздо адекватнее, нежели наука, передать запутанность и неисчерпаемость мира. Так вслед за Томасом Вулфом и Артуром Шопенгауэром совсем недавно высказался французский философ Ален Финкелькраут⁷⁵, а в Германии писатель Уве Тимм (автор пользующихся большой популярностью исторических романов⁷⁶), в своей франкфуртской лекции 2009 г. о “Читабельности мира”⁷⁷. А в самое последнее время в этот спор вмешался еще и адвокат и писатель Фердинанд фон Ширах, привнесший в него дополнительный вопрос об “уголовно-процессуальной истине”⁷⁸.

При всем при этом снова с большой интеллектуальной интенсивностью ведутся споры об истинности истории и историй, и прежде всего о том, как о прошлом вообще можно что-то знать, если оно уже прошло. Это был вопрос, который задавали историк Иоганн Густав Дройзен⁷⁹ и писатель Клод Симон⁸⁰: “Как мы можем знать? Что мы можем знать?”. Споры на эту тему многое проясняют и ободряют. И уже одно это, я думаю, прекрасно.

Пер. с нем. К.А. Левинсона, Ю.Е. Арнаутовой

¹ “Fiction is not fact, but fiction is fact selected and understood, fiction is fact arranged and charged with purpose” (*Wolfe Th. Schau heimwärts*, Engel: Eine Geschichte vom begrabenen Leben. Zürich, 2009. S. 5). Русский литературный перевод этой фразы в издании 2010 г. неточен (*примеч. пер.*).

² Следует различать (а) установление “смысла” (die Stiftung von “Sinn”) в абсолютном смысле, о котором здесь идет речь, и (б) производимое познающим субъектом “придание смысла” или “наделение смыслом”, без которого ничто не может быть познано по причине бесконечно большого количества данностей; т.е., словами М. Вебера, познание того, что ему представляется важным (“worauf es einem ankommt”).

³ *Flasch K. Kampfplätze der Philosophie: Große Kontroversen von Augustin bis Voltaire*. Frankfurt a/M., 2008. S. 198ff.

⁴ *Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung (1818)* / Hrsg. W. Frhr. von Löhneysen. Frankfurt a/M., 1986. Bd. 1. S. 342 f.

⁵ *Hardtwig W. Fiktive Zeitgeschichte? Literarische Erzählung, Geschichtswissenschaft und Erinnerungskultur in Deutschland* // Idem. Hochkultur des bürgerlichen Zeitalters. Göttingen, 2005. S. 114–135 (здесь с. 120, 133 и след.). Ср. различные мнения на этот счет в сб.: *Keiner kommt davon: Zeitgeschichte in der Literatur nach 1945* / Hrsg. E. Schütz, W. Hardtwig. Göttingen, 2008; *Epos Zeitgeschichte: Romane des 20. Jahrhunderts in zeithistorischer Sicht* / Hrsg. v. J. Hürter, J. Zarusky. München, 2010.

⁶ Имеется в виду лекция Ф. Шиллера “Что такое всемирная история и для какой цели ее изучают” (“Was heißt und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte?”) (*примеч. пер.*). Ответ на свой вопрос Шиллер видел в том, чтобы подтвердить “подобие и неизменное единство законов природы и человеческого разума”.

- ⁷ *Oexle O.G.* Aufklärung und Historismus: Zur Geschichtswissenschaft in Göttingen um 1800 // Johann Dominicus Fiorillo. Kunstgeschichte und die romantische Bewegung um 1800 / Hrsg. v. A. Middeldorf-Kosegarten. Göttingen, 1997. S. 28–56 (здесь S. 46f.).
- ⁸ *Oexle O.G.* “Der Teil und das Ganze” als Problem geschichtswissenschaftlicher Erkenntnis: Ein historisch-typologischer Versuch // Idem. Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus: Studien zu Problemgeschichten der Moderne. Göttingen, 1996. S. 216–240 (здесь S. 234ff.).
- ⁹ Здесь я не буду касаться связанной с Просвещением и сменой эпох ок. 1800 г. проблемы “историзма”. См. об этом: *Oexle O.G.* Krise des Historismus – Krise der Wirklichkeit: Eine Problemgeschichte der Moderne // Krise des Historismus – Krise der Wirklichkeit: Wissenschaft, Kunst und Literatur 1880–1932 / Hrsg. v. O.G. Oexle. Göttingen, 2007. S. 11–116. См. также литературу из примеч. 32, особенно размышления Б. Потхаст (с. 7 и след.).
- ¹⁰ *Engelhardt D.v.* Zum Wissenschaftsbegriff der Romantik – Physik und Metaphysik, Kunst und Leben bei Carl Gustav Carus // Carl Gustav Carus – Wahrnehmung und Konstruktion: Essays / München, 2009. S. 19–30. Здесь я оставляю в стороне тему философской рефлексии Гегеля об истории как “целом”, как “результате, известном мне, потому что я уже знаю целое”, в противоположность “историкам-специалистам”. См.: *Hegel G.W.F.* Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte // Idem. Werke / Frankfurt a / M., 1970. Bd.12. S. 22.
- ¹¹ *Humboldt W. v.* Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers // Idem. Schriften zur Anthropologie und Geschichte (= Werke in fünf Bänden. Bd. 1). Darmstadt, 1960. S. 585–606 (рус. пер. см.: *Гумбольдт В. фон.* О задаче историка // Он же. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 292–306).
- ¹² *Ette O.* Alexander von Humboldt und die Globalisierung: Das Mobile des Wissens. Frankfurt a/M., Leipzig, 2009.
- ¹³ *Ibid.* S. 214.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Fischer E.-P.* Werner Heisenberg: Das selbstvergessene Genie. München; Zürich, 2001; *Scheibe E.* Die Philosophie der Physiker. München, 2007; *Kumar M.* Quanten: Einstein, Bohr und die große Debatte über das Wesen der Wirklichkeit. В., 2009.
- ¹⁵ *Oexle O.G.* Was ist eine historische Quelle? // Rechtsgeschichte: Zeitschrift des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte. 2004. Bd. 4. S. 165–186. (S. 168ff.) (рус. пер.: *Эклс О.Г.* Что такое исторический источник? // *Munuscula: К 80-летию со дня рождения А.Я. Гуревича / ред. Ю.Е. Арнаутова. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 154–181).*
- ¹⁶ Цит. по: *Muhlack U.* Das Problem der Weltgeschichte bei Leopold Ranke // Die Vergangenheit der Weltgeschichte: Universalhistorisches Denken in Berlin 1800 – 1933 / Hrsg. v. W. Hardtwig, P. Müller. Göttingen, 2010. S.143–171 (здесь S. 158. Anm. 85).
- ¹⁷ *Ranke L. von.* Über das Studium der Geschichte / Hrsg. v. W. Hardtwig. München, 1990. S. 47ff. (здесь S. 52).
- ¹⁸ Свою трактовку государств как “идей Бога” Ранке обосновывает в статье “Политический разговор” (1836). См.: *Ranke L. von.* Die großen Mächte: Politisches Gespräch / Hrsg. v. U. Muhlack. Frankfurt a/M.; Leipzig, 1995 (цит. С. 95). О выдвинутой Ранке цели познания истории в ее целостности на основе метафизики см. также: *Süssmann J.* Geschichtsschreibung oder Roman? Zur Konstitutionslogik von Geschichtserzählungen zwischen Schiller und Ranke (1780 – 1824). Stuttgart, 2000. S. 243 f.
- ¹⁹ См. выше примеч. 3.

- ²⁰ Подробнее см.: *Oexle O.G.* Naturwissenschaft und Geschichtswissenschaft: Momente einer Problemgeschichte // Naturwissenschaft, Geisteswissenschaft, Kulturwissenschaft: Einheit – Gegensatz – Komplementarität? / Hrsg. v. O.G. Oexle. Göttingen, 1998. S. 99–151 (здесь S. 107ff.).
- ²¹ *Ibid.* S. 109.
- ²² *Ibid.*
- ²³ *Ibid.* S. 113.
- ²⁴ О Дройзене см.: *Barrelmeyer U.* Geschichtliche Wirklichkeit als Problem: Untersuchungen zu geschichtstheoretischen Begründungen des historischen Wissens bei Johann Gustav Droysen, Georg Simmel und Max Weber. Münster, 1997. S. 32ff.; *Oexle O.G.* Naturwissenschaft und Geschichtswissenschaft. S. 114ff.
- ²⁵ *Ries K.* Johann Gustav Droysens “Historik” und die Tradition der Aufklärungshistorie // Johann Gustav Droysen. Facetten eines Historikers / Hrsg. v. K. Ries. Stuttgart, 2010. S. 57–77.
- ²⁶ *Droysen J.G.* Historik: Rekonstruktion der ersten vollständigen Fassung der Vorlesung (1857), Grundriß der Historik in der ersten handschriftlichen (1857/1858) und in der letzten gedruckten Fassung (1882) / Hrsg. v. P. Leyh. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1977. S. 218, 230. Рус. пер.: *Дройзен И.Г.* Историка. СПб., 2004 – был сделан по более раннему изданию под ред. Р. Хюбнера (1937 г.), которое современные немецкие историки “научным изданием” не считают: теория познания Дройзена существовала только в виде лекций и постоянно дорабатывалась автором, тогда как Хюбнер попытался придать его концепции законченную форму, соединяя фрагменты текстов разных периодов и постоянно вмешиваясь в трактовки автора. Дройзен назвал свой курс латинским словом *Historik*, которое следует понимать как латинский аналог греческого слова *органон*, т.е. как систематизированную теорию познания: рефлексию о предмете, методе, сфере приложимости исторической науки, потому в данной статье мы предпочли оставить оригинальное латинское название (*примеч. пер.*).
- ²⁷ *Oexle O.G.* Naturwissenschaft und Geschichtswissenschaft. S. 124ff.
- ²⁸ Ср.: *Karlauf Th.* Stefan George: Die Entdeckung des Charisma. München, 2007. S. 296: “Что у Ницше было только *мыслью*, у Георге стало *делом*”; *Osterkamp E.* Poesie der leeren Mitte: Stefan Georges neues Reich. München, 2010.
- ²⁹ *Gundolf F.* Wesen und Beziehung // Jahrbuch für die geistige Bewegung. 1911. Bd. 2. S. 10–35.
- ³⁰ Об этом см. знаменитые работы Макса Вебера «“Объективность” социально-научного и социально-политического познания» (1904) и “Наука как призвание и профессия” (1919) (*Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1982. S. 146ff., 582ff.). Ср.: *Oexle O.G.* “Begriffsgeschichte” – eine noch nicht begriffene Geschichte // Philosophisches Jahrbuch. 2009. Bd. 116. S. 381–400 (рус. пер.: *Эксле О.Г.* “История понятий” – еще не понятая история // Одиссей: Человек в истории. 2010/11. М., 2012. С. 268–299).
- ³¹ *Oexle O.G.* “Begriffsgeschichte” – eine noch nicht begriffene Geschichte. S. 387ff.
- ³² *Aust H.* Der historische Roman. Stuttgart; Weimar, 1994. S. 65; *Potthast B.* Die Ganzheit der Geschichte: Historische Romane im 19. Jahrhundert. Göttingen, 2007. S. 48. Об истории постановки проблемы см.: *Aust H.* *Op. cit.* S. 35ff.; *Potthast B.* *Op. cit.* S. 29ff.
- ³³ *Potthast B.* *Op. cit.* Специально об историческом романе см.: *Aust H.* *Op. cit.*; *Geppert H.V.* Der Historische Roman: Geschichte umerzählt – Von Walter Scott bis zur Gegenwart. Tübingen, 2009; Ср. также: Французская Литература – 19. Jahrhundert: Roman / Hrsg. v. F. Wolfzettel. Tübingen, 1999; Der russische Roman / Hrsg. v. B. Zelinski. Köln; Weimar; Wien, 2007.

- ³⁴ *Potthast B.* Op. cit. S. 29. Б. Потхаст обосновывает свой тезис на примерах романов Вальтера Скотта, Вильгельма Гауфа, Виктора Гюго, Гюстава Флобера, Адальберта Штифтера, Конрада Фердинанда Майера и Теодора Фонтане.
- ³⁵ *Ibid.* S. 37.
- ³⁶ Этой теме посвящен сборник “Epos Zeitgeschichte: Romane des 20. Jahrhunderts in zeithistorischer Sicht” (см. примеч. 5), со статьями о романах “Верноподданный” Генриха Манна, “Мост на Дрине” Иво Андрича, “Сад Финци-Контини” Джорджо Боссани, “Краеведческий музей” Зигфрида Ленца, “Чтец” Бернхарда Шлинка и др.
- ³⁷ *Friedrich H.* Drei Klassiker des französischen Romans: Stendhal – Balzac – Flaubert. Frankfurt a / M., 1950. S. 86ff., 91ff.; *Auerbach A.* Mimesis: Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern, 1959. S. 437ff.
- ³⁸ *Auerbach E.* Op.cit. S. 460ff. (цитата с. 460).
- ³⁹ Ср. в особенности четырнадцатый роман цикла (“L’Œuvre”, 1885/86), в то же время как бы полемизирующий с творчеством Поля Сезанна, которое демонстрирует противоположный подход к осмыслению “действительности”. Об Э. Золя см.: *Bender N.* Kampf der Paradigmen – Die Literatur zwischen Geschichte, Biologie und Medizin: Flaubert, Zola, Fontane. Heidelberg, 2009. S. 197ff.
- ⁴⁰ *Potthast B.* Op. cit. S. 33.
- ⁴¹ *Ibid.* S. 38ff.
- ⁴² *Ibid.* S. 39.
- ⁴³ *Ibid.* S. 298ff.
- ⁴⁴ Подробнее: *Esch A.* Ein Kampf um Rom // Deutsche Erinnerungsorte / Hrsg. v. É. François, H. Schulze. München, 2001. Bd. 1. S. 27–40.
- ⁴⁵ См. об этом: *Aust H.* Op. cit. S. 109ff.; *Geppert H.V.* Op. cit. S. 140ff.
- ⁴⁶ *Potthast B.* Op. cit. S. 118ff.
- ⁴⁷ *Wright F.L.* Critical Writings on Architecture / Ed. by B. Brooks Pfeiffer. Princeton; Oxford, 2008. (особ. р. 367 и след.).
- ⁴⁸ Имеются в виду эссе: “Das hilflose Europa, oder Reise vom Hundertsten ins Tausendste” (1922) и “Der deutsche Mensch als Symptom” (1923); подробнее см.: *Oexle O.G.* Krise des Historismus – Krise der Wirklichkeit. S. 16f.
- ⁴⁹ Ср. выше примеч. 3.
- ⁵⁰ *Oexle O.G.* Die Moderne und ihr Mittelalter: Eine folgenreiche Problemgeschichte // Mittelalter und Moderne: Entdeckung und Rekonstruktion der mittelalterlichen Welt / Hrsg. v. P. Segl. Sigmaringen, 1997. S. 307–364.
- ⁵¹ *Potthast B.* Op. cit. S. 113ff.; сл. цитаты: С. 115, 113.
- ⁵² *Ibid.* S. 204ff.
- ⁵³ *Heyl B.* Geschichtsdnken und literarische Moderne: Zum historischen Roman in der Zeit der Weimarer Republik. Tübingen, 1994.
- ⁵⁴ Об этом см.: *Oexle O.G.* Die Moderne und ihr Mittelalter. S. 326ff., 344ff.
- ⁵⁵ Подробнее см.: *Oexle O.G.* “Erinnerungsorte” – Eine historische Fragestellung und was sie uns sehen läßt // Mittelalter und Industrialisierung: St. Urbanus in Huckarde / Hrsg. v. Th. Schilp, B. Welzel. Bielefeld, 2009. S. 17–37 (здесь С. 24ff., 26ff., 29ff.).
- ⁵⁶ *Greber E.* Pasternaks unsystematische Kunst des Gedächtnisses // Gedächtniskunst: Raum – Bild – Schrift: Studien zur Mnemotechnik / Hrsg. v. A. Haverkamp, R. Lachmann. Frankfurt a / M., 1991. S. 295–327; *Gusky A.* Boris Pasternak: Doktor Živago // Der russische Roman. S. 406–425.
- ⁵⁷ *Zelinsky B.* Op.cit. S. 78ff. К фонду культурной памяти о недавней русской истории принадлежит также и “Колымские рассказы” Варлама Шаламова (Berlin, 2007–2010).

- ⁵⁸ Подробнее: *Seibt G.* Erzähler der Wut: Erinnerung an Wilhelm Raabe und seinen "Stopfkuchen" // *Süddeutsche Zeitung* vom 15. November 2010. Свежий пример – роман Анни Эрно "Годы" (2008). Подробнее см.: *Zimmermann M.* "Ein Buch über die Zeit und das Gedächtnis". Annie Ernaux "Les Années" // *Der historische Roman zwischen Kunst, Ideologie und Wissenschaft* / Hrsg. v. I.U. Paul, R. Faber. Würzburg, 2013 (в печати).
- ⁵⁹ Ср.: *Geppert H.V.* Op. cit. S. 68ff.
- ⁶⁰ *Auerbach E.* Op.cit. S. 488ff. (цит.: S. 511).
- ⁶¹ *Wutke D.* Aby M. Warburgs Kulturwissenschaft // *Historische Zeitschrift*. 1993. Bd. 256. S. 1–30.
- ⁶² Об этом см.: *Oexle O.G.* Erinnerungs-Passagen: Über Gedächtnis und Gedächtnisgeschichte // *International Musicological Society Congress: Fünf Hauptvorträge – Five Key Note Speeches* / Ed. by L. Lütteken, H.-J. Hinrichsen. Kassel; Basel; London et al., 2008. S. 70–98.
- ⁶³ *Stedman G.* Skurrile Rompols – Die poetische Welt der Fred Vargas // *Observatoire de l'extrême contemporain: Studien zur französischsprachigen Gegenwartsliteratur* / Hrsg. v. R. Böhm, S. Bung, A. Grewe. Tübingen, 2009. S. 173–187.
- ⁶⁴ Об экспериментальном в современном историческом романе см.: *Geppert H.V.* Op. cit. S. 311ff.
- ⁶⁵ См. выше примеч. 36.
- ⁶⁶ Об этом подробнее: *Oexle O.G.* Geschichte, Gedächtnis, Gedächtnisgeschichte: Ein Blick auf das Œuvre von Claude Simon // *Historie und Leben: Der Historiker als Wissenschaftler und Zeitgenosse: Festschrift für Lothar Gall zum 70. Geburtstag* / Hrsg. v. D. Hein, K. Hildebrand, A. Schulz. München, 2006. S. 359–376.
- ⁶⁷ Общий обзор см.: *Kempowski W.* Culpa: Notizen zum "Echolot". München, 2007. Ср.: *Calzoni R.* Vielstimmigkeit der Zeitgeschichte in Walter Kempowskis *Das Echolot* // *Keiner kommt davon: Zeitgeschichte in der Literatur nach 1945*. S. 130–150.
- ⁶⁸ *Oexle O.G.* Jonathan Littells *Les Bienveillantes* – Ein Roman für Historiker // *Observatoire de l'extreme contemporain: Studien zur französischen Gegenwartsliteratur* / Hrsg. v. R. Böhm. Tübingen, 2009. S. 147–160.
- ⁶⁹ Об этом с позиций литературоведения см.: *Geppert H.V.* Op. cit. S. 150ff. (цит. S. 151).
- ⁷⁰ См. выше примеч. 62.
- ⁷¹ См. выше примеч. 60 и 61.
- ⁷² *Eckel J.* Geist der Zeit: Deutsche Geisteswissenschaft seit 1870. Göttingen, 2008. S. 112ff.
- ⁷³ *Wutke D.* Dazwischen: Kulturwissenschaft auf Warburgs Spuren: 2 Bde. Baden-Baden, 1996.
- ⁷⁴ *Wutke D.* Über den Zusammenhang der Wissenschaften und Künste. Wiesbaden, 2003.
- ⁷⁵ *Lyon-Caen J., Ribard D.* L'historien et la littérature. P., 2010.
- ⁷⁶ Ср.: *Geppert H.V.* Op.cit. S. 343ff. См. также лит. в примеч. 65–69.
- ⁷⁷ *Timm U.* Von Anfang und Ende: Über die Lesbarkeit der Welt. Frankfurter Poetik-Vorlesung. Köln, 2009.
- ⁷⁸ См. его речь по случаю присуждения ему литературной премии имени Г. Клейста (2010): *Schirach F.von.* Jeder kann zum Mörder werden // *Der Tagesspiegel*. 22. November 2010.
- ⁷⁹ См. выше примеч. 26.
- ⁸⁰ См. выше примеч. 66.

СОДЕРЖАНИЕ

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? ЖЕНЩИНА В РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЕ

Ю.Е. Арнаутова

ВВЕДЕНИЕ 5

С. Кланп

ЖЕНСКИЕ ДУХОВНЫЕ ОБЩИНЫ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО ВЕРХНЕГО РЕЙНА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ СВ. СТЕФАНА В СТРАСБУРГЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ) 9

З. Хирбодиан (Шмитт)

“ДИКИЕ, РАЗВРАТНЫЕ И НЕДУХОВНЫЕ СЕСТРЫ”: ЖЕНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ СТРАСБУРГА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ 32

А.Ю. Серегина

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ И УЛИЧНЫЙ ПРОПОВЕДНИК: ЛУИСА ДЕ КАРВАХАЛЬ В ЛОНДОНЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА 57

Е.Б. Смилянская

ЖЕНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ КОНЦА XX ВЕКА (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ПОЛЕВОГО АРХЕОГРАФА) 90

О.И. Тогоева

“ОСТАВИВШИЕ СОЗДАТЕЛЯ И ОБРАТИВШИЕСЯ К САТАНЕ”. ВЕДОВСКИЕ СЕКТЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 115

ПРАВИЛО СВЯТОГО ЦЕЗАРИЯ [Арльского] 133

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

О.Г. Экле

“ИСТОРИЯ” КАК НАУКА – “ИСТОРИЯ” КАК РОМАН 157

ИЗОБРАЖЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

О.С. Воскобойников

СНОВА О ТЕЛЕ КОРОЛЯ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ОТТОНОВСКОЙ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЫ 177

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

М.Р. Ненарокова

СВ. ОСВАЛЬД НОРТУМБРИЙСКИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ХРИСТИАНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 205

Н.А. Ганина

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ У МЕХТИЛЬДЫ МАГДЕБУРГСКОЙ..... 242

О.Е. Кошелева

ИИСУС КАК УЧИТЕЛЬ В РУССКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВЕКОВ..... 329

П.-А. Будин

ВЕДОВСТВО В ШВЕДСКОЙ ДЕРЕВНЕ. БАХТИНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 346

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

М.А. Курышева

ЗАБЫТЫЙ МАСТЕР: ЭСКИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ВИЗАНТИНИСТА М.А. ШАНГИНА 364

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Н.А. Ганина

ДУХОВНЫЙ СТРАСБУРГ

Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012 388

Н.Г. Терехова

ИТАЛЬЯНСКАЯ МИКРОИСТОРИЯ: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro.
Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011 393

А.Н. Алексеев, А.Ю. Даниэль

ПРАВО НА ИМЯ

Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. Избранное. 2003–2012. СПб., 2013..... 415

IN MEMORIAM

ЖАК ЛЕ ГОФФ (1.01.1924–1.04.2014) 422

SUMMARIES..... 425

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 431

CONTENTS

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? WOMAN IN A RELIGIOUS COMMUNITY

Yulia E. Arnautova

INTRODUCTION 5

Sabine Klapp

WOMEN'S CONVENTS IN THE CITIES OF UPPER RHINE: THE CASE OF
THE CONVENT OF ST. STEPHEN IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG 9

Sigrid Hirbodian

“WILD, LECHEROUS AND UNSPIRITUAL SISTERS”: WOMEN'S
CONVENTS IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG..... 32

Anna Yu. Seregina

A DEFENDER OF FAITH AND A STREET PREACHER: LUISA DE
CARVAJAL IN THE EARLY 17TH CENTURY LONDON..... 57

Elena B. Smilyanskaya

WOMEN'S SPIRITUAL LEADERSHIP IN AN OLD BELIEVER
COMMUNITY AT THE END OF THE 20TH CENTURY: FIELD NOTES..... 90

Olga I. Togoeva

“THOSE WHO FORSOOK THE CREATOR AND TURNED TO SATAN”:
WITCHES' SECTS OF THE LATE MIDDLE AGES 115

CESARIUS OF ARLES *REGULA AD VIRGINES* 133

THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

“HISTORY” AS SCIENCE – “HISTORY” AS NOVEL..... 157

IMAGES AND POLITICAL HISTORY

Oleg S. Voskoboinikov

ONCE AGAIN ON THE KING'S TWO BODIES. TOWARDS THE POETIC
OF OTTONIAN BOOK ILLUMINATION 177

RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

Maria R. Nenarokova

THE HOLY KING OSWALD OF NORTHUMBRIA: THE TRANSFORMA-
TION OF A CHRISTIAN RULER'S IMAGE IN THE MEDIEVAL LATIN
LITERATURE 205

<i>Natalia A. Ganina</i>	
MECHTHILD OF MADGEBURG'S SPACE AND TIME.....	242
<i>Olga E. Kosheleva</i>	
JESUS AS A TEACHER IN 16 TH AND 17 TH CENTURY RUSSIAN SCHOOL TEXTS.....	329
<i>Per-Arne Bodin</i>	
WITCHES IN BOTEÅ.....	346

HISTORIAN AND TIME

<i>Marina A. Kurysheva</i>	
HISTORIAN OF BYZANTIUM MSTISLAV SHANGIN: THE UNREMEMBERED MASTER.....	364

REVIEWS

<i>Natalia A. Ganina</i>	
SPIRITUAL STRASBOURG	
Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012.....	388
<i>Natalia G. Terekhova</i>	
ITALIAN MICRO-HISTORY: TWENTY FIVE YEARS LATER	
A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011.....	393
<i>Andrei N. Alexeev, Alexandre Yu. Daniel</i>	
RIGHT TO NAME	
Biographica in the 20 th century. Veniamin Ioffe Memorial Conference. Selection. 2003–2012. Sankt-Peterburg, 2013.....	415
IN MEMORIAM	
G. LE GOFF (1.01.1924–1.04.2014).....	422
SUMMARIES	425
ABOUT AUTHORS	431